

ШАКИК БАЛХИ И УЧЕНИЕ О ТАВАККУЛ
(УПОВАНИИ НА БОГА): РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ДОКТРИНЕ
И ЖИТИЯХ ОТ АС-СУЛАМИ ДО 'АТТАРА¹

Таваккул – абсолютное упование на Бога – является одним из основополагающих понятий в суфизме. Первую попытку теоретического осмысления этого понятия предпринял хорасанский суфий и теоретик суфизма Шакик Балхи (ум. 809). В статье на примере рассказов о Шакике Балхи рассматривается репрезентация понятия *таваккул* в арабских и персидских доктринальных суфийских текстах и агиографическом нарративе. Сопоставляются соответствующие главы в сборнике Фарид ад-Дина 'Аттара «Поминание друзей Божиих» (нач. XIII в.) и в сборниках ас-Сулами, Абу Ну'айма, ал-Кушайри и Худжвири (XI в.), которые послужили ему источником.

Ключевые слова: суфизм, Фарид ад-Дин Аттар, агиография, нарративизация, *таваккул*.

Понятие *таваккул* – абсолютного упования на Бога – появилось в суфизме достаточно рано. О нем рассуждали и спорили суфийские подвижники уже в IX веке. Первую попытку концептуализации этого понятия предпринял хорасанский суфий и теоретик суфизма Шакик Балхи², для которого термин *таваккул* послужил «исходным концептом в его учении об абсолютном уповании на Бога»³. Все биографы отмечают, что Шакик Балхи был человеком образованным, автором многих трудов. Всю жизнь он строго придерживался правил бедности, отрешения от мира и упования на Бога; погиб в Шагирде в войне с «неверными тюрками»⁴.

До нашего времени сохранился приписываемый ему небольшой трактат «Правила поклонения Богу» (*Ādāb al-'ibādāt*)⁵. В нем Шакик впервые в истории суфизма системно ввел понятие «стадий» (*manāzil*) духовного пути: «отрешение от мирского» (*zuhd*)⁶, «страх» (*hawf*), «томление [по Богу]» (*šawq*) и, наконец, «любовь [к Богу]» (*maḥabba*)⁷. «Отрешение от мирского», с которого начинается духовный путь суфия,

было для Шакика неразрывно связано с «упованием» на Бога (*tavakkul*) и «довольством» (*riżā*)⁸. Шакик Балхи известен своей бескомпромиссной позицией в трактовке «упования», которое он считал несовместимым с любыми способами зарабатывания денег – ремеслом, торговлей и т.п. и даже с просьбами о куске хлеба. Производными от идеи «упования» в учении Шакика Балхи становятся культ бедности (*faqr*) и страха Божия (*xawf*)⁹, а сам Шакик в суфийских агиографических арабских антологиях, а вслед за тем и в персидских характеризуется в первую очередь как знаток и приверженец теории и практики «упования на Бога». Вероятно, именно он придал слову *tavakkul* («упование») терминологическое значение «абсолютное упование на Бога». По указанию Абу Ну‘айма, он выделял четыре вида упования: «упование на богатство, упование на себя, упование на людей и упование на Бога»¹⁰. В своих текстах он использует этот термин именно в последнем значении.

Первым агиографическим сводом, собравшим все эти сведения, был многотомный, написанный по-арабски, труд Абу ‘Абд ар-Рахмана ас-Сулами (ум. 421/1021) «Разряды суфиев» (*Ṭabaqāt as-ṣūfiyya*). В нем в пяти «разрядах» (или «поколениях») в хронологическом порядке собраны биографии ста двадцати трех суфиев¹¹ и их высказывания по разным вопросам суфийской теории и практики, послужившие материалом для дальнейших систематизаций.

Приблизительно в одно время с «Табакат» Сулами, в 422/1031г., была написана другая агиографическая книга – «Украшение святых» (*Hilyat al-avliyā*) известного шафи‘итского ученого Абу Ну‘айма б. ‘Абдаллаха ал-Исбахани, содержащая биографии 689 благочестивых подвижников. Раздел, посвященный суфиям, во многом совпадает с книгой Сулами, но содержит гораздо больше сюжетного материала.

Оба эти сборника построены по хронологическому принципу. От них принципиально отличается «Послание о суфийской науке» (*ar-Risālat al-quṣayriyya fi-‘ilm at-taṣawwuf*) ‘Абд ал-Карима ал-Кушайри¹², «тщательно продуманное и на удивление полное изложение теоретических основ суфизма»¹³, написанное в 437/1045г. «Послание» включает в себя и агиографическую, и доктринальную части. Оно состоит из четырех разделов. В первом разделе автор стремится показать, что в основе суфийского учения лежат основные положения ислама. Далее следуют

биографии 83 суфиев. В третьей части обсуждаются важные понятия и термины суфизма, в четвертой – «стоянки» суфийского пути.

Глава о Шакике Балхи включена во все перечисленные сборники. Кроме того у Кушайри понятие *таваккул* посвящена отдельная глава¹⁴, содержащая около шестидесяти высказываний и рассказов суфийских учителей и подвижников на эту тему. Иногда это краткое афористичное речение со ссылкой на «автора»: «Хамдун [Кассар] говорит: “*Таваккул* – это держаться за Бога Вышнего»¹⁵. «Абу ‘Усман говорит: “*Таваккул* – это довольствоваться Богом и надеяться Него»¹⁶. Как правило, изречению предпосылается иснад – ссылка на цепочку передатчиков. Вот пример краткого иснада: «Абу Наср говорит, что *таваккул* – это то, что говорит Абу Бакр Даккак: “Жить единым днем и не думать о завтрашнем»¹⁷. Иногда приводится небольшой диалог, где «учитель» дает ответ на вопрос «учеников», напр.: «Сахла спросили об “уповании”. Он ответил: “Это сердце, которое живет Богом (*возвышен Он!*) и ни к чему не привязывается»¹⁸.

Иногда приводится рассказ суфия о своем опыте, напр.: суфию, который босиком шел по пустыне, вонзилась в ногу колючка; он вспомнил, что возложил упование на Господа, не стал вытаскивать колючку и пошел дальше¹⁹.

Высшей степенью «упования» представлен отказ принимать помощь от кого бы то ни было, даже от высшего ангела – Джабра‘ила: «Подлинное “упование” было у Ибрахима [Адхама]. Джабра‘ил сказал ему: “Тебе что-нибудь нужно?” Тот ответил: “От тебя – ничего”, ибо он был далек от себя самого, [был] с Богом и не видел ничего иного»²⁰. Другой пример упования, доведенного до крайней степени: в ответ на просьбу рассказать о самом удивительном событии в его жизни Ибрахим Хаввас говорит о встрече с пророком Хизром, известном своей помощью суфиям в их пути через пустыню: «Хизр увидел меня и захотел идти со мной. Я испугался, что мое упование нарушится из-за общения с ним, и ушел от него»²¹.

В главе о *таваккул* среди речений шейхов нет ни одной ссылки на Шакика Балхи. Однако в посвященной ему главе у Кушайри, так же как в соответствующих главах Сулами, Абу Ну‘айма, а далее ‘Аттара и Джами, его имя связано в первую очередь именно с понятием *таваккул*.

Глава о Шакике Балхи у Сулами включает двадцать пять его высказываний, сохраненных традицией²². Их темы косвенно связаны с «упованием» – это страх, порицание пристрастия к земному миру,

необходимость бедности и опасность богатства. Собственно «упованию» посвящено одно высказывание: «Упование – [это когда] сердце успокаивается тем, что обещано Богом»²³.

Кушайри приводит четыре истории о Шакике Балхи, из них первые три – о его обращении и «вступлении на путь отрешения от мира»²⁴.

(1) В молодости, будучи по купеческим делам в Туркестане, Шакик забрел в буддийский храм и обратился к «служителю» со словами: «У тебя есть живой Создатель, весь мир ему поклоняется! А ты поклоняешься идолу, от которого не бывает ни хорошего, ни плохого». Тот сказал: “Если это так, как ты говоришь, то почему не дает тебе Сильный дневное пропитание в твоём городе, чтобы не пришлось тебе приезжать сюда?” Эти слова пробудили Шакика, и он вступил на путь отрешения от мирского». В книге Абу Ну‘айма эта история, с теми же подробностями, передается со слов внука Шакика Балхи, который завершает ее так: «Вернувшись, он роздал бедным все, чем владел, и стал искать знания»²⁵.

(2) «Однажды настал голод, и люди были в унынии. Он (Шакик) увидел некоего раба, который играл и веселился. Он спросил: “О юноша, что ты радуешься, когда все люди так печальны?” Тот ответил: “Потому что у моего хозяина есть деревня, и он получает оттуда все, что ему надо. [Так что] у нас не будет нужды!” Эти слова пробудили Шакика, и он сказал: “У него есть господин, который имеет одну деревню, и этот юноша так радуется этому господину, хотя тот беден! А мой-то Господин – богат! Нет никакого смысла печалиться о дневном пропитании!”».

(3) В молодости Шакик Балхи был богатым и благородным юношей. Однажды у эмира Балха пропала любимая охотничья собака, и он обвинил в краже невинного человека, который был соседом Шакика. Его схватили и стали бить, он бросился в дом к Шакику, прося защиты. «Шакик пошел к эмиру и сказал: “Оставьте этого человека, собака у меня, и я ее верну через три

дня»». Того человека отпустили, а Шакик вернулся домой в тревоге из-за опрометчиво данного обещания. Но в это время некий человек, уезжавший из Балха, вернулся, и у него нашли эту собаку. Этот случай заставил Шакика пробудиться, он покаялся и вступил на путь отрешения.

Таковы объяснения начала его подвижничества. Последняя, четвертая, история демонстрирует его достижения на пути всецелого упования на Бога.

(4) «Мы были с ним в боевых рядах в войне с тюрками, – рассказывает ученик Шакика, Хатим ‘Ассам²⁶ – День был тяжелый, ничего не было видно, только как <...> копья ломаются и мечи раскалываются на куски. Шакик сказал мне: “Каким ты себе кажешься в этот день? Может быть, ты себе кажешься таким же, как вчера ночью, когда к тебе пришла твоя жена?” Я сказал: “Нет, [клянусь] Богом”. Он сказал: “Господом [клянусь], что я в этот день себе кажусь таким, как ты той ночью [когда был с женой на постели]”. И на глазах у двух рядов он лег, подложил под голову щит и уснул, так что я слышал его храп»²⁷.

Завершается рассказ о Шакике Балхи двумя высказываниями: «Если хочешь узнать человека, посмотри – он больше доверяет обещаниям Господа или обещаниям людей?» и «Воздержание человека узнается по трем вещам: как он принимает, отказывается²⁸ и говорит» (оба эти высказывания перешли из книги Сулами²⁹).

Некоторые сведения, содержащиеся в «Послании» Кушайри, перешли в первый суфийский трактат, написанный по-персидски, – «Раскрытие скрытого» (*Kašf al-mahjūb*) Худжвири (XI в.). Тут повторен второй рассказ об обращении Шакика – о юноше, веселящемся во время голода. К рассказу Кушайри прибавлена устрашающая деталь о каннибализме. Затем приводится высказывание из книги Сулами: «Господь делает послушных Ему людей живыми в смерти, а людей грешных – мертвыми при жизни»³⁰. Кроме того, в главе «О правилах [суфиев] обращения с просьбой и отказа [от него]» Худжвири приводит короткий, но выразительный рассказ, свидетельствующий о

противоречиях между Шакиком Балхи и его учителем Ибрахимом Адхамом: когда некий ученик Шакика рассказал Ибрахиму Адхаму, что его учитель «полностью отстранился от сотворенного и живет всецело в уповании на Бога», тот просил передать Шакику: «Смотри, не испытывай Господа двумя лепешками! Когда проголодаешься – попроси две лепешки у подобных себе, и выбрось свою торговую запись об уповании, чтобы твои сделки не разрушили этот город и этот край»³¹.

Все перечисленные книги вошли в число источников для антологии Фарид ад-Дина 'Аттар *«Поминание друзей Божиих» (Tazkirat al-avliyā)*. Для этого сочинения 'Аттар из обширного материала своих предшественников отбирал наиболее для него значимое. Шакику Балхи в этой книге посвящена отдельная глава³² кроме того, он фигурирует и в главах, где рассказывается о знаменитых суфийских подвижниках: это Раби'а 'Адавиййа (с. 73) и Байазид Бистами (с. 150 и 155).

Глава о Шакике Балхи, как и другие главы антологии, начинается с краткого восхваления-характеристики персонажа, написанного рифмованной прозой (*saj'*), которое задает основные его качества: «Тот уповающий из благочестивых³³, тот овладевший [познанием] тайн, тот столп почитаемый, та кибла величественная, тот всадник-охранитель людей тариката, Шакик Балхи». За этим следует проза: «был он уникальным в своем времени и шейхом своей эпохи, твердо шел путем отрешения от мира и служения Богу и всю жизнь провел в уповании». Далее следуют сообщение о многочисленных произведениях Шакика и истории о нем. Сначала повторяются четыре истории, рассказанные выше: (1) о покаянии после разговора с буддийским монахом, (2) об отречении от мира после беседы с юношей, веселившимся во время голода, (3) об отречении от мира после чудесного нахождения собаки и (4) о безмятежном сне посреди поля битвы. Затем следует история, тоже связанная с войной: Шакик в одиночку заставляет бежать вражеское войско³⁴.

К первым двум историям прибавляются похожие, где Шакик получает назидание от иноверцев: (5) некий гебр³⁵, услышав, что Шакик занимается торговлей, указывает ему, что незачем суетиться, ведь предопределенное все равно не минует его³⁶. (6) Человек «посторонний», непричастный суфизму, спрашивает Шакика, не стыдно ли ему претендовать на особую избранность (*xāṣagī*) и говорить такие слова? «Выходит, все, кто поклоняется Ему и полагается на Него ради хлеба насущного, так что они поклоняются подаваемым благам (*ni'mat*)».

Шакик велит своим ученикам записать эти слова, потому что хоть они и сказаны человеком не духовным, но жемчужину, упавшую в нечистоты, надо поднять и отмыть. В результате тот человек просит растолковать ему ислам, потому что видит, что вера Шакика – это вера смирения и истины³⁷. Упрек незнакомца созвучен словам Мансура Халладжа, который, услышав от одного из суфиев, что тот «пребывает на стоянке упования и уповает соответствующим образом», сказал: «Ты всю жизнь ублажал свою утробу. Как же ты будешь исчезать в единстве Божиим? Ведь упование основано на отказе от еды, а ты собрался целую жизнь в уповании набивать себе брюхо»³⁸.

Также Шакик получает наставление от старика, пришедшего покаяться в греховной жизни: «Однажды пришел старик и сказал: “Я много грешил и хочу покаяться”. [Шакик] сказал: “Поздно пришел”. Старик ответил: “Вовремя пришел. Тот спросил: “Как это?” [Старик] ответил: “Кто пришел прежде смерти, пришел вовремя”»³⁹.

Глава содержит еще несколько рассказов о несомненном уповании на получение от Господа дневного пропитания.

Так же, как в сочинениях Сулами, Кушайри и Хулжвири, основная тема высказываний Шакика у ‘Аттара – это отрешение от мира (*zuhd*), страх (*hawf*) и упование на Бога, что передается не только термином *таваккул*, но и описательно: «Кто желает узнать о своем знании о Боге, пусть рассмотрит то, что ему обещает Бог, и то, что ему обещают люди – что из этих двух вызывает больше доверия в его сердце?»⁴⁰ Многие высказывания касаются страха (*hawf*) перед Богом, перед неизвестностью Его решений, страха последнего часа и посмертной участи. «Раб, имеющий страх, это тот, кого страшит то, что прошло из его жизни – мол, как оно прошло? И страх неведения того, что наступит после»⁴¹.

Некоторые рассказы ‘Аттара не обнаружены ни в одном из трех названных сборников. К их числу принадлежит следующий, который – единственный из всех – был использован и в поэме ‘Аттара «Илахи-наме»:

«По возвращении из Мекки в Багдад [Шакик] однажды проповедовал в собрании суфиев и много говорил об уповании на Бога. В ходе беседы он сказал: “Я отправился в пустыню. В моем кошеле⁴² было четыре серебряных монетки⁴³, и до сих пор они у меня с собой”. Какой-то юноша вскочил и сказал: “Там, где ты положил в кошель четыре монетки, не присутствовал ли

Господь (*велик Он и славен!*)?! И в тот миг была ли [у тебя] надежда на Господа (*велик Он и славен!*)?!» Шакик пришел в волнение, признал правоту [юноши], сказал: «Верно говоришь», – и сошел с кафедры»⁴⁴.

По его собственному утверждению, в «Поминании друзей Божиих» ‘Аттар не позволял себе вносить какие-либо изменения или вставлять свои слова в речи святых шейхов⁴⁵, единственный способ выражения авторской воли состоял в выборе материала. Однако иногда этот принцип нарушался. Так, краткий рассказ об «искушении Бога двумя лепешками» разворачивается у ‘Аттара в небольшую новеллу:

«Рассказывают, что ученик Шакика решил отправиться в хадж. Шакик сказал: «Пройди через Бистам и постарайся удостоиться приема у шейха Байазид». Когда мурид удостоился встречи с Байазидом, шейх сказал: «Ты чей мурид?» Тот ответил: «Я мурид Шакика Балхи». [Шейх] спросил: «Что он говорит?» [Мурид] ответил: «Он освободился от тварного, пребывает в уповании на Бога и говорит: “Если небо станет бронзовым, а земля железной, так что с неба не будет лить, а из земли расти, и если все твари мирские будут на моем иждивении, то и тогда я не откажусь от своего упования”». Байазид сказал: «Ну он и отъявленный многобожник! Да стань Байазид вороном, он не полетел бы в город того многобожника! Когда вернешься, скажи ему, мол, не испытывай Бога (*велик Он и славен!*) двумя лепешками. Когда ты проголодаешься, возьми две лепешки у себе подобного и отложи в сторону [свой] план упования, чтобы из-за зла, исходящего от тебя, город и [весь] край не сравнялись с землей». От резкости этих слов тот муж повернул назад и пришел к Шакику. Шакик сказал: «Быстро же ты вернулся!» [Он] ответил: «Ты велел мне посетить его. Я пошел, и вышло так-то и так-то», и рассказал всю историю. Шакик не увидел в себе изъянов, [на которые указывали] эти слова. А рассказывают, что у него было четыреста *харваров*⁴⁶ книг; хотя он был весьма велик, но у великих и гордыня велика. Шакик сказал: «А ты не спросил, мол, если он такой, то ты-то каков?». Он сказал: «Нет».

[Шакик] сказал: «Вернись и спроси». Мурид вернулся [в Бистам] и пришел к Байазиду. Шейх сказал: «Ты вернулся?!» Тот ответил: «Меня прислали спросить у тебя, мол, если он такой, то каков ты?» Байазид сказал: «Смотри-ка! Еще одно невежество!» Затем он сказал: «Если я скажу, каков я, то ты не поймешь». «Если шейх сочтет необходимым, не соблаговолит ли он где-нибудь это записать, чтобы мое время не оказалось истраченным понапрасну, ибо я проделал долгий путь». Шейх сказал: «Напишите: “Во имя Господа Милостивого Милосердного”. Вот Байазид», свернул эту бумагу и отдал ему. Иначе говоря, Байазид – ничто. Нет того, что описывается. Как же его можно описать? И частицы Байазиды не видно, так чего же спрашивать «Каков он?»? Есть ли в нем упование или искренность? Ведь всё это атрибуты тварного. *Приобретайте свойства Бога* – [вот что] нужно, украшаться при помощи упования».

Мурид ушел. А Шакик был болен и конец его был близок. А он всё ждал ответа Байазиды. И тут прибыл мурид и передал ему бумагу. Когда Шакик прочитал ее, он сказал: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога, и свидетельствую, что Мухаммад – раб Его и посланник», и стал он мусульманином, чистым от порока гордыни, раскаялся в этом и испустил дух»⁴⁷.

Об «уповании» говорится во многих главах аттаровского «Поминания друзей Божиих»⁴⁸. Однако во вступлениях, среди эпитетов, которые характеризуют основные черты героя и будут разворачиваться в дальнейшем повествовании, слова *tavakkul* и *mutavakkil* встречаются только в главах о Шакике Балхи и Ахмаде Хазравайхи⁴⁹. Видимо, для ‘Аттара, отделенного от ранних суфийских подвижников тремя веками, уже знакомого с идеями Джунайды, Мухаммада и Ахмада Газали, отрешение от мира и абсолютное упование хотя и были важными этапами пути суфия, но уже не стояли во главе угла и понимались уже не столь прямолинейно.

В главе про Шакика Балхи сообщается, что он был богатым, образованным и благородным человеком; что в молодости он был купцом, но, покаявшись, оставил мир и предался подвигам аскетизма и упования на Бога; что он участвовал в войне с неверными. Шакик много пишет и проповедует об «уповании», спорит об этом с менее

категоричными суфиями. Он говорит об опасности богатства, о неизбежности смерти, о страхе перед Божественным велением, неведомым будущим и смертным часом и одновременно об уповании на Бога. При этом в ряде эпизодов он предстает как человек, чье «упование» устремлено на получение пусть скудных, но материальных благ – дневного пропитания, и как человек книжного знания, склонный своими знаниями гордиться. И только Байазид Бистами, суфий совсем другого, «пьяного», направления суфизма, наставляет его на путь истинный, после чего Шакик может, наконец, умереть спокойно. Все эти мотивы имплицитно присутствуют в связи с Шакиком Балхи и в поэтическом произведении ‘Аттара – поэме «Йлахи-наме», о чем, надеюсь, будет рассказано в продолжении этой статьи.

Таким образом, прием нарративизации теоретического положения доктрины суфизма и его представления в виде серии «действительных событий» из жизни святого позволяет автору-агиографу, с одной стороны, «конструировать» жизнь святого согласно доктринальной модели, а с другой – показать читателю «доктрину в лицах» и предложить ему практические примеры для подражания. При этом, если ранние авторы довольствовались этими двумя задачами, ‘Аттар, поэт и блестящий мастер «поэтического языка суфийской прозы»⁵⁰, строит свой дискурс иначе. На примере рассказов о Шакике Балхи можно видеть, что выбор и композиция материала, наличие или отсутствие беллетризации могут служить у него еще и художественными средствами, позволяющими выразить собственные отношения к описываемому.

Примечания

1. Работа выполнена в рамках НИР «Традиционные основы современных культур и макрорегионов Востока» (ШАГИ РАНХиГС, 2013–2014).
2. *Кныш А.Д.* Мусульманский мистицизм. М.-СПб.: Диля, 2004. С. 42.
3. *Насыров И.Р.* Основания исламского мистицизма (Генезис и эволюция). М.: Языки славянских культур, 2009. С. 76.
4. *Abū Nu‘aym al-Iṣbahānī.* Ḥilyat al-avliyā‘ va ṭabaqāt al-aṣfiyā‘. Cairo, 1979. J. 8. S. 59. Благодарю С.В. Лахути за помощь при работе с арабскими источниками.
5. *Abū ‘Alī Ṣāqīq b. Ibrāhīm al-Āzdī al-Balxī.* Ādāb al-‘ibādāt. [Электронный ресурс] URL: <http://read.kitabklasik.net/2009/05/adab-al-ibadat-syaikh-syaqiq-al-balkhi.html> (дата обращения 28.02.2015).
6. Термин *zuhd* часто переводится как «аскетизм».
7. *Abū ‘Alī Ṣāqīq.* Op. cit. S 19.

8. *Насыров И.Р.* Указ. соч. С. 76–77. Под «довольством» (*riḏā*) подразумевается удовлетворенность своей участью, принятие всего, что посылает Бог.
9. Там же. С. 187.
10. *Abū Nu‘aym al-Iṣbahānī.* Op. cit. S. 60–62. За указание на эту цитату, как и вообще за ценную консультацию, благодарю И.Р. Насырова.
11. Предполагается, что это сокращенная версия не дошедшей до нас «Истории суфиев», которая содержала около 1000 биографий (*Кныш А.Д.* Указ. соч, С. 141).
12. *Quṣayrī, ‘Abd al-Karīm b. Havāzan.* Risālat Quṣayrīyya. Tehrān: Hermes, 1391/2012, S. 266–278. В работе я пользовалась также персидским переводом «Послания», выполненным учеником Кушайри, Абу ‘Али б. Ахмадом ‘Усмани: *Quṣayrī, ‘Abd al-Karīm b. Havāzan.* Al-Risāla-yi Quṣayrīyya, fārsī. Tehrān: Hermes, 1391/2012. Далее даются ссылки на этот перевод.
13. *Кныш.* Указ. соч. С. 147.
14. *Quṣayrī, ‘Abd al-Karīm b. Havāzan.* Ss. 266–278.
15. Ibid. S. 267.
16. Ibid. S. 269.
17. Ibid. S. 268.
18. Ibid. S. 270.
19. Ibid. S. 271.
20. Ibid. S. 268.
21. Ibid. S. 270. Рассказ повторяется и у Худжвири в *Hujvirī, ‘Alī ibn ‘Uṭman.* Kaṣf al-mahjūb. [Электронный ресурс] URL: <http://sufism.ir/books/download/farsi/hojviri/kashfol-mahjoob.doc/> (дата обращения 28.02.2015). S. 204.
22. *As-Sulamī, Abu ‘Abd ar-Raḥmān.* Ṭabaqāt aṣ-ṣūfīyya. Al-Qāhirat, 1989. S. 61–66.
23. Ibid. S. 63.
24. *Quṣayrī.* Op. cit. S. 80–81.
25. *Abū Nu‘aym al-Iṣbahānī.* Op. cit. S. 59.
26. Ум. 237/889.
27. Рассказ есть и у Абу Ну‘айма (Ibid. S. 64).
28. По замечанию издателя текста «Поминания друзей Божиих», М. Эсте‘лами, речь идет о принятии Божественных велений и отказе от зла.
29. *As-Sulamī, Abu ‘Abd ar-Raḥmān.* Op. cit. Ss. 63–64.
30. *Hujvirī, ‘Alī ibn ‘Uṭman.* Op. cit. S. 111.
31. «Торговая запись» уведомляет о предъявлении чего-либо. Смысл высказывания: Ибрахим Адхам обличает Шакика в том, что он так и остался купцом, раз

- пытается заключить «сделку» с Богом, предъявляя Богу свое «упование» в расчете получить за это награду.
32. *Farīd ad-Dīn ‘Aṭṭār Nīšābūrī*. *Taẓkīrat al-awliyyā’*. Tehrān, 1386 (далее – ТА). Ss. 201–207.
33. «Благочестивые», в ориг. *abrār*. У Худжвири так названы семеро «благочестивых», занимающих в иерархии «приближенных к Богу мужей» ступень после «трехсот, называемых лучшими» (*axūār*) и «сорока, называемых заменяющими» (*abdāl*) (*Hujvirī, ‘Alī ibn ‘Uṭman*. Op. cit. S. 101).
34. ТА. S. 203.
35. «Гебр» – зороастриец; часто употребляется расширительно, в значении «немусульманин».
36. ТА. S. 201.
37. ТА. S. 203.
38. *Рейснер М.Л., Чалисова Н.Ю.* «Я есмь Истинный Бог»: образ старца Халладжа в лирике и житийной прозе ‘Аттара // Семантика образа в литературах Востока. Сборник статей. М.: Вост. лит., 1998. С. 148.
39. ТА. S. 205. Рассказ есть у Худжвири в *Hujvirī*. Op. cit. S. 54
40. *As-Sulamī, Abu ‘Abd ar-Raḥmān*. Op. cit. S. 64. Цитата дается в переводе И.П. Насырова по *Насыров И.П.* Указ. соч. С. 188.
41. ТА. S. 205
42. «Кошель» – имеется в виду *jayb-i ġarībān* – мешочек для хранения монет, который пришивался к одежде изнутри за пазухой.
43. «Четыре монетки» – в ориг. «*dang*», 1/6 дирхама – приблизительно 0,4 г.
44. ТА. S. 205.
45. *Счетчикова Т.А.* Введение к «Тазкират ал-аулийа’» Фарид ад-Дина ‘Аттара: формулировка авторского замысла» / Вестник РГГУ. №6(128). Серия «Востоковедение. Африканистика». М.: 2014. С. 109.
46. «Харвар» – букв. «ослиный груз».
47. ТА. S. 150, 151. Перевод выполнен в рамках иранского семинара «Семиран» Лаборатории востоковедения и сравнительно-исторического языкознания ШАГИ РАНХиГС (участники: Алонцев М.А., Заглубоцкая Т.А., Лахути Л.Г., Никитенко Е.Л. Руководитель семинара – Чалисова Н.Ю.).
48. Слова *таваккул* и *мутаваккил* упоминаются в 47 главах ТА из 72.
49. ТА. S. 303.
50. «Поэтический язык суфийской прозы» – так названа книга современного иранского исследователя М.Р. Шафи’и Кадкани (*Šaftī’ Kadkanī M.R. Zabān-i šī’r dar naṣr-i fārsī. Darāmadī ba sabkšīnāsī-yi nigāh-i i’rfānī*. Tehran: Suxan, 1392. S. 659).